

Глава 3

— С этими мелкими актеришками можно развлекаться, но знай меру. И уж тем более не вздумай тащить их домой.

Похоже, сегодня Лу Шичэнь был настроен к племяннику чуть более благосклонно, чем обычно, и его словоохотливость резко возросла. Не достигнув и тридцати лет, он уже всю примерял на себя роль заботливого пятидесятилетнего отца.

К несчастью для него, Гу Сю, сменивший прежнего владельца тела, ненавидел нотации еще сильнее оригинала. С его точки зрения, куда проще было бы остановить машину, выйти и решить дело честным мордобоем: чьи кулаки крепче, тот и прав.

С пустым взглядом Гу Сю воззвал к Системе в своем сознании:

«Ты можешь отключить мне слух?»

007: «...»

«Разве ты не говорила, что мы с тобой лучшие друзья на свете? Ты даже называла меня Цзюцзю, а теперь так быстро отворачиваешься?» — не унимался Гу Сю.

007: «...»

«Это было помрачение рассудка!» — хотелось крикнуть ей в ответ, но Система искренне побаивалась своего хоста, а потому не решилась играть в молчанку.

Она пробормотала:

«Бюро Быстрых Перемещений ориентировано на гуманное отношение к сотрудникам, а мы, системные модули — это сфера обслуживания. У меня есть полномочия отключать только болевые ощущения, да и то лишь с предварительного согласия хоста...»

Гу Сю: «Бесполезная ты железка».

Боковым зрением Лу Шичэнь видел, что племянник хоть и сидит тихо, якобы внимая наставлениям, но лицо его так и перекошено от недовольства. Юноша то и дело почесывал ухо; его раздражение было почти осязаемым, оно словно оседало на каждой пылинке в салоне автомобиля.

— Гу Сю, — не выдержав, негромко позвал Шичэнь.

Гу Сю цокнул языком:

— Я слушаю.

— Это требование, а не совет, — строго произнес Лу Шичэнь. — Даже если это начинающая звезда, каждое его движение находится под прицелом общественности. Уйми его, не позволяй ему устраивать скандалы и позорить семью.

Гу Сю ответил молчанием.

Зато его внутренний монолог был весьма содержательным:

«007, пробей-ка по базе, нет ли поблизости приличной лавки с жареными каштанами в сахаре».

Не успела 007 приступить к поиску, как роскошный автомобиль проезжал мимо оживленного торгового квартала. Гу Сю зорким глазом заприметил мелькнувшие за окном вывески и поспешно воскликнул:

— Девятый дядя, стой! Притормози на минуту!

Лу Шичэнь недовольно нахмурился, решив, что Гу Сю снова увидел кого-то из своих любовников.

Развернувшись к нему с явным намерением отчитать, он замер: племянник расплылся в широкой улыбке, уголки его глаз чуть приподнялись, и даже густой «смоки-айс» уже не казался таким отталкивающим.

Гу Сю с невозмутимым видом распорядился девятым дядей как личным шофером, заставив того нажать на тормоз. На ходу он ловко использовал слова Шичэня как оправдание:

— Дядя, ты же сам сказал, чтобы я проявил немного заботы?

Длинный палец указал на вывеску цветочного магазина за окном.

— Как можно навещать больного без цветов?

Сохраняя верность своему образу, Гу Сю вовсе не хотел окончательно выводить Лу Шичэня из себя. Хотя в будущем им предстояло стать непримиримыми соперниками, а Шичэнь должен был стать новым покровителем Цзян Юаньяо и нанести Гу Сю сокрушительный удар, юноша помнил о финале. Памятуя о былых родственных узах, Лу Шичэнь в итоге даст ему приличную

сумму денег и отправит за границу доживать свои дни.

Гу Сю планировал до этого момента насладиться свободой по полной. А для этого денег должно быть много. Очень много.

Поэтому действовал он расторопно и не заставил Лу Шичэня долго ждать. Спустя пять минут он уже вернулся и постучал в окно, удерживая в руках свежий букет.

— Девятый дядя, я все.

Окно было приоткрыто; рука Шичэня покоилась на подлокотнике, а между пальцами дымилась сигарета.

Позволив белесому дыму медленно подняться вверх, он не спешил открывать дверь, лишь холодно вскинув глаза. За окном золотистые волосы Гу Сю развевались на ветру, а на лице снова сияла та самая фальшивая улыбка.

Спустя мгновение Шичэнь отвел взгляд, затушил сигарету в пепельнице и с негромким щелчком разблокировал замок.

Гу Сю обошел машину и сел на пассажирское сиденье. Под его ногами хрустнула опавшая листва, принеся в салон немного осенней прохлады.

И еще — отчетливый, густой и сладкий аромат.

Лу Шичэнь невольно повернул голову.

— И насчет «проявить заботу»... Вот она, — Гу Сю потряс бумажным пакетом с жареными каштанами в сахаре и, протянув его дяде, хихикнул: — Преподношу.

Лу Шичэнь: «...»

Мужчина с каменным лицом завел мотор. Даже не удостоив племянника взглядом, он бросил:

— Убери это.

Гу Сю лишь хмыкнул, но в душе был в восторге: теперь он мог в одиночку насладиться лакомством. В промозглый осенний день нет ничего лучше горячих жареных каштанов в сахаре.

Природный маслянистый аромат, смешанный с нежными сливочными нотами, под действием

тепла заполнял все пространство салона. Значит, тот сладкий шлейф, исходящий от юноши, был вовсе не парфюмом, а запахом этих сладостей.

Шичэнь был слегка удивлен. Раньше он никогда не лез в частную жизнь Гу Сю, не знал его вкусов и уж тем более не догадывался, что тот такой любитель поесть.

По пути он еще несколько раз косился в сторону пассажирского сиденья, но Гу Сю был слишком занят каштанами, чтобы обращать на него внимание. Его губы не были растянуты в улыбке, но по чуть прищуренным глазам было видно, что юноша в прекрасном расположении духа.

Лу Шичэнь криво усмехнулся и, коротко кашлянув, произнес:

— Приехали.

Для Гу Сю, решившего проехаться за чужой счет, возникло небольшое затруднение.

Шичэнь, следовавший за ним по пятам, явно не собирался уходить. Он выглядел не как попутчик, а как суровый надзиратель, который не успокоится, пока племянник не разберется со своей «звездочкой».

— Кхм.

Гу Сю внезапно остановился.

За этот час Лу Шичэнь либо хмурился, либо собирался это сделать; при таком раскладе впору было беспокоиться, не обзаведется ли он преждевременными морщинами на переносице. Впрочем, главные герои платформы Цзиньцзян — любимцы Творца, и годы лишь добавляют им зрелого очарования.

Пепельно-серый взгляд Шичэня замер на лице Гу Сю. Мужчина стоял неподвижно, засунув руки в карманы, словно ожидая, какую еще ложь извергнет этот пройдоха.

007 робко подала голос:

«Хост... почему главный герой не уходит?»

Гу Сю рассудил здраво:

«Я пришел навестить его будущую жену, да еще и с цветами. Конечно, ему это не нравится».

Согласно сюжету, Гу Сю мог гулять где угодно — это не было ключевой сценой, — но он должен был игнорировать главного героя-пассива, а не являться к нему в больницу.

007, успокоившись, с любопытством ждала, как ее непредсказуемый хост выпутается из этой ситуации.

Гу Сю мысленно произнес:

«Смотри и учись. Я не просто выкручусь, я ускорю сюжет и устрою им встречу раньше времени...»

Едва он закончил мысль, как золотистый юноша снова лучезарно улыбнулся Лу Шичэню. Его макияж окончательно размазался, превратив его в подобие панды, но в этом взгляде на миг промелькнула лукавая искра.

— Знаешь, девятый дядя... Яояо все еще злится на меня. Я боюсь входить.

Гу Сю сделал шаг навстречу, вознамерившись примерить на себя роль купидона.

Лу Шичэнь остался невозмутим, лишь чуть приподняв бровь, словно спрашивая: «И что с того?»

— Дядя, будь другом, отнеси ему цветы сам. В конце концов, ты же старший, — Гу Сю продолжал хихикать, поминая «старшинство» через слово, хотя в его тоне не было и тени почтения. — Помоги племяннику в последний раз. Сделай доброе дело.

Взгляд Лу Шичэня мгновенно стал острым, как два лезвия; за стеклами очков блеснул ледяной холод. Любой сотрудник его компании понял бы, что это сигнал крайней опасности.

Гу Сю, демонстрируя полное отсутствие инстинкта самосохранения, лишь шире улыбнулся:

— Спасибо, девятый дядя!

Поскольку Шичэнь продолжал хранить величественное молчание, Гу Сю счел это за согласие и впихнул букет ему в руки:

— Век не забуду твою доброту! У меня тут еще дела срочные, так что я побежал!

Лу Шичэнь не собирался подыгрывать. Однако Гу Сю действовал молниеносно: он перехватил

ладонь дяди, заставляя его пальцы сомкнуться на стеблях цветов.

Шичэнь замер.

Перед ним была копна золотистых волос, «глаза панды» светились озорством, а кожу на тыльной стороне ладони обжег жар чужого прикосновения.

Гу Сю снова улыбнулся, быстро продиктовал номер палаты и, помахав рукой, скрылся из виду.

Выйдя из больницы и вдохнув глоток свободы, Гу Сю весело обратился к Системе:

«007, посмотри-ка на мою макушку. Она еще не позеленела?»

007: «...»

Ей еще не доводилось видеть хоста, который бы так искренне радовался перспективе стать рогоносцем!

Гу Сю купил у уличного торговца пакет свежих семечек. Наслаждаясь их ароматом, он с упоением предавался сплетням:

«Ты была права, эти запутанные любовные истории куда интереснее. Жаль только, что ты бесполезная и не можешь устроить мне прямую трансляцию из палаты... Эх».

«...» — 007 помолчала. — «Даже если бы там начались сцены "18+", у меня бы сработал режим защиты конфиденциальности, и я бы просто отключилась. Так что за свою приватность можешь не переживать...»

«Тише, тише!» — Гу Сю от испуга едва не подавился семечкой. — «Я всего лишь бывший муж из "крематорской" драмы, который копит баллы на квартиру. Не надо меня проклинять».

007 промолчала, но про себя подумала: «Это не проклятие, это жирный флаг! Продолжай в том же духе, глядишь, доиграешься!»

«Гу Сю вовсе не так легкомысленно относится к этому роману, как кажется», — думал Лу Шичэнь.

Скорее всего, они просто в ссоре. Несмотря на напускное распутство, Гу Сю явно небезразличен этот мелкий актеришка, Цзян Юаньяо. Это было неожиданно, но вполне

объяснимо. Юаньяо — сирота, которым легко манипулировать, он мягок и послушен, а главное — молод и красив. Идеальная наживка для такого поверхностного и наивного повесы, как Гу Сю.

Лу Шичэнь неосознанно сжал букет крепче. Упаковочная пленка, сверкающая в свете ламп, издавала резкий хруст.

Пришел навестить больного, а купил желтые розы... Не гвоздики для выздоровления, а розы для возлюбленного. Желтые розы, которые в языке цветов могут означать просьбу о прощении. Шичэнь помнил эти правила цветочного этикета еще с юности.

Эти бесполезные знания, которые, казалось, давно стерлись из памяти, внезапно всплыли и заполнили все его мысли. Он молча смотрел на букет, и в глубине его глаз постепенно застывал лед.

Впрочем, он еще ни разу не видел вживую этого юношу, который так вскружил голову его племяннику.

Смягчив суровое выражение лица, он направился к палате, номер которой назвал Гу Сю.

Дверь была приоткрыта, а через узкое смотровое окно доносились громкие голоса.

— Брат Цзян, ты ничего не ел целый день. Поешь хоть немного вечером, — умоляющим тоном произнес мужчина с заурядной внешностью. Судя по всему, это был помощник; несмотря на то что Цзян Юаньяо было всего девятнадцать, тот почтительно называл его «братом».

Юноша, сидевший на кровати, был удивительно красив, и даже гнев придавал его лицу очаровательную капризность. Однако сейчас он был в ярости.

— Я же сказал! — выкрикнул он, не скрывая раздражения. — Пока Гу Сю не придет, я не притронусь к еде! Посмотрим, действительно ли он хочет моей смерти!

За дверью Лу Шичэнь нахмурился.

Помощник Ван продолжал уговаривать:

— Господин Гу обещал прийти. Давай ты сначала поешь, а пока будешь есть — он как раз и появится. Если ты испортишь себе здоровье, господин Гу мне голову снимет.

Услышав это, Цзян Юаньяо немного успокоился. Он откинулся на подушки; в его движениях не было и тени той слабости, что присуща больным.

Устроившись поудобнее, он приподнял ногу, замотанную бинтами так густо, что она напоминала конечность мумии, и высокомерно скомандовал:

— Помоги мне подвесить ногу повыше. На этот раз Гу Сю точно меня пожалеет.

Помощник Ван подобострастно поддакнул:

— Конечно-конечно! Перелом — дело серьезное, господин Гу с ума сойдет от беспокойства. Как бы он ни был занят, он обязательно найдет время, чтобы побыть с тобой несколько дней.

Но Лу Шичэнь видел: эта «травмированная» нога двигалась совершенно свободно. Помощник Ван, проявив неловкость, тут же получил порцию звонких ругательств.

Затем ассистент достал телефон, чтобы снова поторопить Гу Сю, и случайно глянул в сторону двери. Лу Шичэнь вовремя отступил и, не оборачиваясь, зашагал прочь.

Желтые розы, так тщательно выбранные Гу Сю, все еще были в его руке.

Цветы были прекрасны и хрупки; от выращивания до упаковки и дарения — каждый этап требовал заботы.

Но взгляд, который Шичэнь бросил на них, был ледяным и лишенным всякого сочувствия. Спустя мгновение он вскинул руку; металлический корпус его часов блеснул холодным серебром.

Он резко сжал букет.

Красивая упаковочная бумага превратилась в бесформенный ком.

И прекрасные розы, не успев порадовать адресата, были безжалостно вбиты в грязную урну.

<http://bllate.org/book/16111/1580794>